

О том, как командовал артиллерийским взводом, молекулярных спектрах и кафедре физической химии

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1429>

15 июня 2012

Собеседник

Пентин Юрий Андреевич

Ведущий

Богатова Татьяна Витальевна

Дата записи

Беседа записана 15 июня 2012 и опубликована 29 октября 2012.

Введение

Юрий Андреевич Пентин — фронтовик, воевал в Венгрии, Австрии и Чехословакии, победу встретил в Праге. На химический факультет он пришел сразу после демобилизации, в 1947 году, и прошел все ступени: от студента до профессора, заведующего кафедрой физической химии. Рассказ Юрия Андреевича посвящен двум периодам его жизни: военному времени (он был командиром взвода зенитной артиллерии) и последующей мирной жизни, которая вместила в себя и интенсивную научную работу, и общественную деятельность, и руководство крупнейшей в Московском университете кафедрой. Профессор Пентин — заслуженный деятель науки РСФСР (1980), кавалер Ордена Красной Звезды (1945), имеет много других боевых и трудовых наград. О его военных воспоминаниях можно также прочитать в книге «Великая война и ее великие воины. Фронтовики-химфаковцы вспоминают», которая издана на Химическом факультете к 60-летию Победы.

Юрий Андреевич Пентин: Я родился в 1926 году в городе Перми, в семье врача и учительницы. Отец, Андрей Георгиевич Пентин — хирург, мама преподавала сначала в начальной школе. Позднее она окончила заочно пединститут и стала преподавать географию. Но это было уже в Свердловске. Вообще родители мои тогда уже разошлись, к сожалению. Жил я с мамой в Свердловске, папа тоже переехал, как-то получилось, в Свердловск, но уже жил с другой женой. Но мы все-таки с ним встречались, проводили некоторое время вместе. Там, в Свердловске, я пошел в школу. 152-я образцовая школа. Потом она стала школой ВВС, то есть нас оттуда перевели, а там стали обучаться будущие летчики. В нашем дворе, где я жил, была эта школа. Война началась. Война была везде трудной, потому что с продовольствием было плохо, питались неважно. По карточкам получали еду, но все равно этого было мало. Я даже запомнил, что мама иногда покупала на рынке картофельные очистки и варила из них похлебку.

Война. Армия

В конце концов, школу я кончил, а маму перевели в Ирбит. Нет, не перевели, там моя старшая сестра главврачом работала в каком-то госпитале. Там жизнь была немножко, видимо, легче, чем в Свердловске, и она ее пригласила туда, я тоже уехал в Ирбит вместе с ней. Мы жили в Ирбите, и там я пошел добровольцем в армию. Там было Смоленское артиллерийское училище, эвакуированное. У меня был аттестат об окончании школы, и меня приняли.

Т.Б.: А в школе какие предметы больше нравились?

Ю.П.: В школе-то? Я любил, в принципе, математику и литературу. Оба преподавателя у нас были мужчины. Один Лев по математике, другой Лев Васильевич по литературе и русскому языку. В общем, очень хорошие были преподаватели. Были и женщины, естественно. По истории Сима Исааковна, мама моя тоже в этой школе преподавала географию. Но она училась заочно в институте, и высшее образование получила одновременно с тем, как работала. Вот так протекала жизнь.

Я успел еще в 41-м году, летом, кончить курсы трактористов в Свердловском сельскохозяйственном институте. То есть у меня были права тракториста, я даже в посевной и уборочной кампании успел в Свердловске поработать, а потом, когда мы уехали в Ирбит, пошел в МТС, машинотракторную станцию, и меня приняли трактористом. Работал трактористом в ближайших селах под Ирбитом, пахал по ночам. Трактор был колесный, прицепщица была для меня почти старушка, в общем, пожилая женщина, сидела за прицепом трактора, а я управлял трактором, пахал.

Т.Б.: Школу экстерном закончили?

Ю.П.: Школу я окончил... потом у меня случилась с трактором авария, и меня отстранили от управления, хотя, в общем, я не был виноват. Прицепщица была, услышали стук. Пока я доехал до села, не бросил трактор, а приехал, там расплавились подшипники. Баббитовые такие подшипники на коленчатом валу, которые в поршнях ходят. Меня, конечно, сняли с трактористов, еще даже к ответственности хотели привлечь.

Т.Б.: Это уже 43-й год?

Ю.П.: Да. И я остался и без денег, и без дел, и еще под угрозой преследования судебного, быть может, или еще что. А там, я говорю, было Смоленское артиллерийское училище, и я пошел туда. Мне было семнадцать лет тогда, в 43-й году. Пошел в это училище, подал заявление добровольцем. У меня был аттестат отличника. Тогда у меня его при себе не было, но удовлетворились тем, что у меня грамоты были хорошие по школе. В общем, взяли меня.

Т.Б.: А разве можно было в семнадцать лет туда поступить? Не с восемнадцати брали?

Ю.П.: Взяли. Там все время какие-то переформирования были, и наше Смоленское артиллерийское

училище вдруг перевели из Ирбита в Уфу. Значит, в Уфе я был в училище, потом из Уфы перевели в Сорочинск. Это уже в Чкаловской — Оренбургской области. Зенитно-пулеметное училище в Сорочинске, какое-то время там я проучился. Оттуда перевели в Чкалов — Оренбург, в ЧУЗА — Чкаловское училище зенитной артиллерии, так полностью расшифровывается. В Чкаловском училище зенитной артиллерии я год примерно проучился, окончил его и получил звание младшего лейтенанта.

Т.Б.: Тяжело было учиться?

Ю.П.: Ну, видите, нигде не было легко. Кроме того, нас, курсантов, еще на какие-то сторонние работы отправляли. То в какой-нибудь колхоз на уборочную или посевную, не помню. Потом мы занимались, например, тем, что расчищали снег. Там снега очень много наваливало. Аэродром чистили от снега. То есть всякая работа была помимо учебы. Так что, в общем-то, нелегкая, конечно, была жизнь.

Т.Б.: А когда вы учились, паек, питание какое было?

Ю.П.: Питание у курсантов было вполне приличное, нормальное. То есть, конечно, не до отвала наесться, но все-таки прилично. А, кроме того, еще бывали наряды на кухню, там уж мы наедались как следует. Короче говоря, я закончил Чкаловское училище зенитной артиллерии. С отличием, причем, кончил, отличник был.

Т.Б.: Значит, вы закончили уже весной 44-го.

Ю.П.: Да. А отличникам предоставили возможность выбирать, куда их направить.

Т.Б.: А куда могли направить?

Ю.П.: На какой фронт или в какой-нибудь... в основном выбирали фронт. Я выбрал, конечно, где потеплее — южный фронт. Других-то — куда послали, туда послали.

” Многие попали в резерв и даже не воевали, а где-то сидели в тылу, прозябали. А я, как отличник, попал на Украинский фронт, 4-й Украинский фронт.

Это Южная Украина, Западная Украина. Я зенитчик был, меня назначили командиром огневого взвода зенитно-артиллерийского. У меня были во взводе четыре 85-миллиметровые пушки зенитные, они очень хорошие против танков, эти пушки. В общем, такая солидная артиллерийская часть. В тылу мы пробыли недолго, нас на фронт отправили, и я попал на фронт в Венгрии. Мы эшелоном проследовали как-то с Украины через Румынию, а потом на север в Венгрию. И там уже, в Венгрии, я начал участвовать в боевых действиях уже на фронте. Батарея была фронтовая, не тыловая, защищала, собственно, наши передовые части, пехоту и так далее. Значит, четыре 85-миллиметровые пушки у меня были и зенитный пулемет — отделение зенитно-пулеметное. И еще отделение тяги. Практически почти вся батарея относилась к этому взводу.

Т.Б.: И сколько человек всего было под вашим руководством?

Ю.П.: Каждое орудие — расчет семь человек. Зенитно-пулеметное отделение три или четыре человека. И отделение тяги, десять машин, по-моему, водители машин — почти вся батарея была в этом взводе. Кроме того, взвод управления был еще и взвод приборный. Приборный взвод, это «ПУАЗО-3», прибор такой, прибор управления зенитно-артиллерийским огнем. Там был Гришка Фишер, командир этого взвода приборного. Взвод управления — старший лейтенант Свистунов был, постарше нас. А мы молоденькие были. Командир батареи Большаков, трудный довольно человек был.

Т.Б.: Почему трудный?

Ю.П.: Потому что хам был, ругался, матерился не по делу, собственно говоря, издевался над нами.

Командовал. Так что мы все его не любили очень, командира нашего. В этом составе я был на фронте и прошел Венгрию, Австрию, Чехословакию. Война кончилась для меня в Праге. Мы были как раз 9-го под Прагой, 10-го в Праге. То есть боевой путь был по этим странам: Венгрия, Австрия, Чехословакия. Мы считаем, что подбили четыре самолета, наша батарея, мой взвод. Вражеских.

Т.Б.: Это хорошо. Некоторые воевали и ничего не подбили.

Ю.П.: За все время это немало. Кроме того, стрельба по самолетам главную-то цель имела ведь не только, чтобы обязательно сбить самолет, а чтобы не дать прицельно бомбить. Предотвращать прицельное бомбометание. Они должны были совершать противозенитный маневр и не могли точно попадать в цели.

Т.Б.: Отогнать, короче.

Ю.П.: Отогнать и помешать прицельно бомбить. Ну, что же еще?

Т.Б.: Сейчас, может быть, перейдем к послевоенному, хотя хотелось потом отдельно еще немного про военные действия, допустим, в следующий раз расспросить. У вас в биографии написано, что демобилизовались вы не в 45-м году, а в 47-м. Почему? Вы в Праге оставались?

Учеба в университете

Ю.П.: Я демобилизовался, расскажу сейчас. Я уехал на Урал в отпуск... А все мы, между прочим, младшие лейтенанты, лейтенанты, после войны стали писать рапорта с просьбой о демобилизации. Никто не хотел на всю жизнь оставаться в армии из нас, молодых. Все хотели на гражданку, учиться продолжать и вообще. В отпуск я уехал в Ирбит к маме, а нашу часть перевели, уже в Белоруссии она была, под Борисовом. И приходит мне от товарища то ли письмо, то ли телеграмма, туда, где я у матери жил, в Ирбит, что пришел приказ удовлетворить...

Т.Б.: Демобилизацию.

Ю.П.: Демобилизацию. Конечно, я не стал ждать конца отпуска и поехал.

Т.Б.: Там нужно было оформлять документы?

Ю.П.: Оформлять, конечно. Все надо было оформлять, и я поехал в Белоруссию. Сколько-то времени ушло на то, что оформляли мне демобилизацию.

Т.Б.: Это было в 47-м году, летом, осенью?

Ю.П.: Летом. Тем не менее, я уже намеревался... у меня был дядя в Свердловске, он все мне говорил: «В Московский государственный университет надо тебе идти учиться». С его подачи я действительно подал заявление на химфак МГУ.

Т.Б.: А почему на химфак?

Ю.П.: На химфак МГУ? Трудно сказать. Я вообще-то любил математику и хорош был в математике. Но понимал, что все-таки большой перерыв в учебе уже мой потенциал, так сказать, понизил. Думаю, не потяну я, наверное, математический факультет. А подал я, даже заявление написал, на кафедру физической химии. Потом пришел мне ответ о том, что я принят, зачислен. У меня был аттестат отличника, да еще я демобилизованный фронтовик, офицер. Меня приняли без экзаменов.

Т.Б.: Как хорошо. Вот вы начали учиться. Кто у вас в группе был, с кем вы больше общались, что за народ?

Ю.П.: Вообще, у нас было несколько ребят, как я, демобилизованных. Особенно большой друг у меня был, хороший — Вася Акимов. Он был постарше меня, прошел огонь, воду и медные трубы. Он и в лагере сидел у них, у немцев. Ведь система была такая, что если кто-то побывал в плену или в лагере, здесь были под подозрением, что ли. Во всяком случае, к ним было настроенное отношение у руководства,

у властей. Но Вася Акимов был очень хороший парень. Мы с ним дружили, в общежитии жили в одной комнате.

Т.Б.: Расскажите про общежитие немножко, как там было.

Ю.П.: Общежитие на Стромынке. Знаете такое?

Т.Б.: Знаю, у меня отец там тоже жил.

Ю.П.: Вот, вот, на Стромынке общежитие. Большая комната у нас была, я уж не помню, человек десять, наверное.

Т.Б.: Даже так.

Ю.П.: Друзей я там завел, всех помню. Хорошие ребята были. Был у нас один китаец, Лю Юньбинь. Он был Лю Юньбинь, то есть сын Лю Шаоци. Мы это не сразу узнали, освоили, потом выяснилось, что он — сын Лю Шаоци. Немцы были тоже.

Т.Б.: Немцы?

Ю.П.: Да, из ГДР. Поляки были.

Т.Б.: Вы поступили на первый курс. Кого из преподавателей помните особенно?

Ю.П.: Лев Абрамович Тумаркин такой.

Т.Б.: Да, я его тоже очень запомнила.

Ю.П.: Математику преподавал.

Т.Б.: Да, матанализ. А почему вам Лев Абрамович запомнился? Его лекции?

Ю.П.: Лекции, да. Хороший был очень преподаватель.

Т.Б.: А из химиков кто вам начал преподавать?

Ю.П.: Честно говоря, их много было.

Т.Б.: Ничего, вспомнится потом, можно будет вернуться, добавить. А что за время учебы вам понравилось из направлений химии, что привлекло ваше внимание?

Ю.П.: Вообще-то, я, конечно, больше по школе любил не химию, ни в коем случае даже. А математику и физику. Здесь я как-то осторожничал, думал, что я уже много чего позабыл, поэтому подал заявление на физическую химию. Тем более что там атомная энергия и всякие...

Т.Б.: Учиться было трудно?

Ю.П.: Трудно было учиться, конечно, трудно.

Т.Б.: Когда вы уже привыкли к новому ритму? На первом курсе уже или на втором?

Ю.П.: Затрудняюсь сказать, в общем-то, хотя и трудно было учиться, но учился неплохо. И отметки были хорошие. Так что все нормально шло.

Т.Б.: А экзамены не тяжело было сдавать?

Ю.П.: Конечно, и тяжело, и шпаргалками пользовались.

Т.Б.: Да? Бывало такое?

Ю.П.: Конечно, конечно, бывало.

Т.Б.: Все-таки химия у вас пошла нормально? Или тяжело было поначалу?

Ю.П.: Да нет, без труда особенного. Труднее у меня математика и физика были, с химией я как-то не чувствовал, что очень трудно.

Т.Б.: А кто еще с вашего курса потом стал в химии известен? Кого вы хотели бы вспомнить?

Ю.П.: Кто со мной учился? Очень способный у нас был Мистрюков. Не знаете такую фамилию? Тамара Польшина его жена.

Т.Б.: Ее я знаю.

Ю.П.: Он очень способный был, один, может быть, из самых умных, как мы считали, у нас студентов. Но немножко с гонором, воображал, зазнавался. То есть, чтобы у нас какие-то очень дружеские отношения, нельзя сказать. Но мы жили, в общем-то, дружно в общежитии, вместе все.

Т.Б.: Юрий Андреевич, когда вы заканчивали факультет, ведь было распределение?

Ю.П.: Было, да.

Т.Б.: И как это случилось, куда вас распределили?

Ю.П.: Распределение зависело от того, как ты окончил. Поскольку я хорошо окончил, то меня приняли в аспирантуру. А кое-кто попал в ИОХ, Институт органической химии, тот же Вася Акимов, с которым мы дружили до самой его смерти. Мистрюков. Короче говоря, в разные места, в химические институты.

Т.Б.: Когда вы стали специализироваться, ближе к диплому, кто у вас был научным руководителем?

Ю.П.: Татевский.

Т.Б.: Расскажите про него, что вы знаете, помните.

Ю.П.: Была такая Резухина еще, помните?

Т.Б.: Да. Фамилию помню.

Ю.П.: То ли она как-то отношение имела к занятиям нашим, то ли еще что, и она посоветовала мне идти к Татевскому. Он все-таки личностью был, яркой довольно. Помните, был Белый корпус и Красный корпус химфака? У него была лаборатория в Красном корпусе, у Татевского. Я пришел к нему, попросился, чтобы он меня взял к себе как будущего дипломника, еще будучи студентом. Взял он меня. Надо сказать, что он был не рядовая личность, а выдающийся ученый — Татевский. Широко мыслил и много связей имел. Он меня послал дипломную работу делать в Ленинград. Я в Оптическом институте, Ленинградском государственном оптическом институте (ГОИ), делал дипломную работу. Там Прокофьев был завлабораторией, у него была даже книжка по спектроскопии. А непосредственно научные сотрудники, у которых я делал дипломную работу, это Дора Борисовна Гуревич и Яков Семенович Бобович. Там, в ГОИ, тогда проектировались, собственно говоря, приборы спектральные для МГУ, для будущего нового здания. А делались уже они в ГОМЗе, на Государственном оптико-механическом заводе. Я был связан и с ГОИ, и с ГОМЗом.

 Участвовал в апробировании этих приборов, создании, на их макетах работал. То есть, когда приехал потом на химфак, они уже как бы мои даже детища были, потому что я принимал участие в их создании и испытании.

Т.Б.: А что это были за приборы?

Ю.П.: Спектральные приборы для комбинационного рассеяния света, для инфракрасных спектров поглощения. Тогда для оборудования нового университета очень много делалось в ГОИ и в ГОМЗе.

Т.Б.: Наверное, и для химфака, и для физфака тоже?

Ю.П.: Для всего университета. И как раз на макетах тех приборов, которые потом оказались у нас в лаборатории на химфаке, в лаборатории спектроскопии, я их осваивал, так как они еще создавались.

Т.Б.: Да, понятно. А чему была посвящена у вас дипломная работа?

Ю.П.: Как раз начиная с моих дипломных лет, я попал сразу на поворотную изомерию. То есть спектры поворотных изомеров мы изучали и равновесие между ними. Как-то установилось еще с дипломных лет, что я этим занимался. Естественно, позднее я стал расчетами заниматься, а там просто были экспериментальные исследования на макетах приборов.

Т.Б.: Что значит — на макетах? Это какой-то вручную сделанный прибор?

Ю.П.: Ну да. Сделанные в лаборатории модели тех приборов, которые потом стали в ГОМЗе производиться.

Т.Б.: То есть это вручную собранный не серийный образец, который таким образом испытывали, а потом доводили до серии. Правильно?

Ю.П.: Да. На заводе уже.

Т.Б.: И на заводе уже начинали серийно выпускать. Понятно. Значит, там вы сделали экспериментальную часть своей работы, а потом защищали ее уже в Москве.

Ю.П.: Защищал в университете, да.

Т.Б.: А как вообще в те времена проходила защита диплома, чем-то отличалась процедура от теперешней?

Ю.П.: Я теперешнюю не очень хорошо знаю.

Т.Б.: Ну, десятилетней давности. Десятилетней давности мало чем отличается.

Ю.П.: Да нет, в общем-то, не очень сильно отличалась. Руководители были у нас, чаще всего, либо профессора, либо доктора. Сейчас чаще на младших сталкиваются. А тогда сами они руководили. Тот же Татевский очень много внимания уделял.

Т.Б.: Он с вами обсуждал какие-то части работы, внимательно ли читал, чего-то правил?

Ю.П.: Да, да. Читал, обсуждал.

Т.Б.: Куда-то вас направлял, что-то почитать еще.

Ю.П.: Я скажу, что внимательно и серьезно руководил.

Т.Б.: Понятно. За защиту дипломной работы вам поставили...

Ю.П.: Пятерку.

Т.Б.: Пятерку. А вообще вы с красным дипломом закончили?

Ю.П.: Да.

Т.Б.: А в аспирантуру кто принимал экзамены?

Ю.П.: Фрост принимал, например. Помните, был такой?

Т.Б.: Да, знаю, конечно.

Ю.П.: И другие преподаватели, Резухина.

Т.Б.: Фрост как раз тогда завкафедрой физической химии был.

Ю.П.: Да, да.

Т.Б.: А экзамены в аспирантуру тогда принимали строже, чем в ваше время?

Ю.П.: Не знаю, не могу сказать, строже или нет. Помню, как я сдавал, сидел, готовился, потом Фрост заходит в аудиторию. Почему он меня запомнил или выделил как-то, может, потому что я был комсомольский деятель и в лаборатории появлялся. Он прямо пальцем указал: «Идите ко мне отвечать».

Т.Б.: И как он спрашивал?

Ю.П.: Спрашивал серьезно, но пятерку поставил все-таки.

Т.Б.: А в аспирантуре вы в первый год сдавали кандидатские экзамены или постепенно?

Ю.П.: По-моему, постепенно, все-таки. Я сейчас уже детали как-то забыл.

Т.Б.: А кто у вас был руководителем, тоже Владимир Михайлович?

Ю.П.: Татевский, да. Татевский.

Т.Б.: Понятно. И как формировалась тема кандидатской диссертации? Как логическое продолжение дипломной работы?

Ю.П.: Да, можно так сказать. Логическое продолжение.

Т.Б.: А кто запомнился из аспирантских лет? Из преподавателей, из окружающих вас людей в университете или на химфаке.

Ю.П.: С тех пор у меня запомнились, конечно, Фрост, Клавдия Васильевна Топчиева, Владимир Михайлович Татевский, Резухина, еще кто-то.

Т.Б.: В эти годы как раз Владимир Михайлович Татевский активно выступал против теории резонанса.

Ю.П.: Да, было.

Т.Б.: Как это тогда расценивалось? И как сейчас...

Ю.П.: Понимаете, я сейчас уже не так точно могу это выразить, но как-то политизировано было. Теория резонанса. В общем, Татевский как раз был критик и выступал против этой теории.

Т.Б.: А почему он против нее выступал?

Ю.П.: Поди разберись, почему он против нее выступал. Выступал, критиковал ее как-то. В общем, это уже так далеко ушло, давно было, что я детали не могу вспомнить. Он был ведь ершистый человек.

Т.Б.: Ершистый? У меня тоже сложилось такое впечатление.

Ю.П.: Очень ершистый был.

Т.Б.: Активный довольно.

Ю.П.: Да, да, да. К своим он относился нормально, я не могу претензий каких-то иметь к нему, я с ним работал. А так он очень был колючий и ершистый, очень резко выступать мог, чуть ли не ругаться.

Т.Б.: Да, я по заседаниям кафедры, когда еще он был жив, помню, что он иногда вставал и достаточно резко что-то говорил.

Ю.П.: Да, да, да. Не сахар характер был у него.

Т.Б.: А в постановке эксперимента вы сами все, или он вам помогал?

Ю.П.: Руками он мне, может, и не помогал, а контролировал, советовал, это было.

Т.Б.: То есть, в общем, держал руку на пульсе работы.

Ю.П.: Да, да.

Т.Б.: У вас уже к концу срока была готова диссертация или чуть позже?

Ю.П.: Нет, наоборот, может быть, чуть раньше. Не позже, во всяком случае.

«Почтовый ящик»

Т.Б.: И вы остались на факультете работать в лаборатории у Татевского.

Ю.П.: Нет, после аспирантуры я не остался в университете.

Т.Б.: А где, как дальше складывалось?

Ю.П.: Меня распределили, и я работал в «почтовом ящике 3394», по-другому институт назывался «девятка». Не знаете такой?

Т.Б.: Нет. Расскажите, пожалуйста.

Ю.П.: Институт атомной энергии вы знаете?

Т.Б.: Да, Курчатовский.

Ю.П.: Курчатовский, да. А этот, «девятка», был рядом с Курчатовским институтом, немножко дальше. Там директор был Бочвар. Знакомая вам фамилия?

Т.Б.: Да, знакомая.

Ю.П.: Поскольку у меня не было жилья, я в общежитии жил, мне надо было как-то устраиваться: либо уезжать из Москвы, куда-то меня могли распределить, либо еще что. Вот здесь Татевский мне помог. У него было хорошо знакомый ему ученый как раз из «девятки», по-моему, фамилия его Стриганов. Не знакома такая фамилия?

Т.Б.: Нет.

Ю.П.: Короче говоря, Татевский мне помог, опять же. Он созвонился, договорился, что меня смогут взять, и я попал в эту «девятку». Спектроскопическая группа была, возглавлялась Липисом.

” Народ хороший везде. Поскольку у меня не было ни прописки, ни жилья, так вот представляете, Липис Лев Викторович меня у себя дома прописал. Хотя я у него и не жил, но прописку он мне обеспечил.

Т.Б.: Тогда было строго с пропиской.

Ю.П.: Конечно. Он мне сделал прописку, а мы с женой снимали комнату около Казанского вокзала. Рязанский переулок такой есть, там мы снимали комнату.

Т.Б.: А чем вы занимались? Расскажите немножко про то, чем занимались в «девятке». Чем вы там занимались, чем ваша лаборатория занималась?

Ю.П.: Видите ли, у нас были приборы, во-первых, инфракрасные. Прибор «Гертер», импортный. Я фактически его пустил там в строй, он стоял без дела, никто не мог на нем работать. А я, поскольку уже работал на таких приборах в университете, его пустил в ход, и мы снимали объекты, которые там изучались, связанные с ураном, плутонием, их окислами, соединениями. У меня сразу появился ученик, потом он под моим руководством кандидатскую диссертацию защитил.

Т.Б.: Кто это?

Ю.П.: Тетерин такой. Он у меня, на моих всяких мероприятиях юбилейных бывал. Я его приглашал.

Т.Б.: А чем занималась сама лаборатория, в рамках которой была ваша группа.

Ю.П.: Лаборатория занималась окислами и соединениями плутония, урана.

Т.Б.: Понятно. На этом приборе какие вы измерения делали?

Ю.П.: Снимали инфракрасные спектры соединений этих элементов.

Т.Б.: А куда шли потом результаты этих работ, для какой цели использовались?

Ю.П.: Вообще они в отчетах у нас были, публикаций открытых было довольно мало. А отчетами пользовались те, кто работал с этими соединениями.

Т.Б.: Это же был «почтовый ящик», секретное предприятие.

Ю.П.: «Почтовый ящик 3394».

Т.Б.: Как там было с обеспечением секретности и закрытости?

Ю.П.: Во-первых, открытых публикаций-то у нас практически не было. Все работы были закрытыми. А что касается внешнего, то строгость была большая. В этот институт трудно было попасть кому-нибудь, специальные командировки только были.

Т.Б.: Заходить строго по пропуску.

Ю.П.: Конечно, конечно. Тогда была такая система (не знаю, может, она и сейчас сохранилась), пропуск на руки ты не получал. Пропуск сдавался, когда выходишь, под номер какой-то. И когда приходишь, тоже под номер выдавался.

Т.Б.: А номер откуда брали? Каждый день другой?

Ю.П.: Нет, у каждого был свой номер.

Т.Б.: То есть вы приходили, называли номер, вас сличали и выдавали пропуск. И тогда вы проходили.

Ю.П.: Да.

Т.Б.: Действительно, очень строго. Тут не потеряешь пропуск.

Ю.П.: Не дай бог потерять пропуск. Уголовное дело.

Т.Б.: Да, да. И сколько времени вы там проработали?

Ю.П.: Сколько? Значит, я туда попал после аспирантуры, уже кандидатом наук. И несколько лет работал. Там был, знали вы такого или нет, Фомин Владимир Владимирович.

Т.Б.: Не лично, но вообще-то про него знала.

Ю.П.: Он был замдиректора института Бочвара, и когда здесь, у Татевского, появилась вакансия старшего научного сотрудника, и он меня пригласил, я подал заявление, чтобы меня отпустили. Этому страшно воспротивился Фомин.

Т.Б.: Почему?

Ю.П.: Вообще выпускают из этих организаций с трудом.

Т.Б.: Не любят?

Возвращение в университет

Ю.П.: Не любят и не выпускали. И он меня не отпускал. Имела еще какую-то силу партийная организация. Я в этой партийной организации уже побывал секретарем партбюро лаборатории, и ко мне хорошо относились в парторганизации. И когда я с Фоминым стал спорить, то ли я предложил, или он сам сказал, чтобы этот вопрос решила парторганизация — отпускать меня или не отпускать. И на партбюро меня, конечно, отпустили, ко мне хорошо все относились. А партком не отпускал, институтский партком. И тогда я обратился в райком.

Т.Б.: Райком партии.

Ю.П.: По этому факту. И так получилось, что райком дал разрешение меня отпустить.

Т.Б.: Как сложно, оказывается, это все было.

Ю.П.: Сложно, было сложно. То есть, уйти оттуда было труднее, чем прийти в эту организацию. Но я ушел к Татевскому, он меня взял.

Т.Б.: Вы там проработали лет пять?

Ю.П.: Не меньше трех лет.

Т.Б.: А когда перешли обратно в университет, как развивалась ваша деятельность?

Ю.П.: Я перешел, опять же, к Татевскому, он для меня имел должность старшего научного сотрудника. И сразу попал в свою комнату, где я делал когда-то дипломную. То есть на свое старое место. Как домой пришел.

Т.Б.: Вы упомянули Фомина, он был замдиректора. Что он был за человек?

Ю.П.: Человек он был очень неплохой, мы с ним встречались потом, уже когда я ушел. В Министерстве высшего образования я был в редколлегии, короче говоря, приходилось встречаться и после. Но, как мне потом стало известно, он очень трагически кончил.

Т.Б.: Да что вы?

Ю.П.: Бросился под поезд.

Т.Б.: Да что вы? Почему?

Ю.П.: Не знаю. Я это узнал не так давно. Был в где-то в доме отдыха или в санатории. И там оказался мужчина из этого «ящика», он мне рассказал.

Т.Б.: То есть неизвестно, чем это вызвано. Да, это удивительно. Юрий Андреевич, я еще не спросила вас про общественную работу. Тогда же без этого нельзя было.

Ю.П.: Мне всегда приходилось много ею заниматься.

Т.Б.: А чем вы занимались?

Ю.П.: Профбюро, членом партбюро.

Т.Б.: А вы членом партии когда стали?

Ю.П.: Еще в армии.

Т.Б.: В армии? Во время войны.

Ю.П.: Да.

Т.Б.: И вы были членом партбюро студенческого сначала? Во время учебы.

Ю.П.: Да, то ли парторгом тогда был, то ли член партбюро. Короче говоря, еще со студенческих лет занимался общественной работой.

Т.Б.: А что было в зоне вашей ответственности как члена партбюро? Там же распределялось как-то тематически.

Ю.П.: Я был, по-моему, и секретарем, и раньше еще замом по оргработе.

Т.Б.: Активно, активно. Это должности хлопотные. А как вы выбирали свое направление научное?

Ю.П.: Это все более-менее сложилось уже, когда я дипломную работу делал. Я говорил, что дипломную работу делал в Ленинграде.

Т.Б.: Да.

Ю.П.: В Государственном оптическом институте. Там было самым важным осваивать новую технику, приборы, которые там проектировались, потом на ГОМЗе делались. А тему дипломной работы, конечно, они мне не могли дать и не давали, потому что это не их забота была, не их профиль. Поэтому фактически тема дипломной работы у меня была определена с Татевским вместе. Там я просто ее делал.

Т.Б.: А когда вы стали работать вместе с Татевским? Как определилось дальнейшее направление исследований?

Ю.П.: Как-то это сложилось само собой. Я, в основном, внутренним вращением и поворотной изомерией занимаюсь.

Т.Б.: Как вы оцениваете, или, может быть, прокомментируете основные результаты. Что удалось на этом пути сделать вам? Какие самые важные результаты вы могли бы отметить?

Ю.П.: Практически я занимался определением разности энергий поворотных изомеров, конформаций, иначе говоря. И также определением потенциальных барьеров внутреннего вращения. Это относится к очень многим соединениям, поэтому общий подход какой-то был и есть. То есть совершенствовали методы, точность измерений и так далее. И все это шло в копилку. Кстати, иногда о себе труднее рассказывать, а вот есть у меня книжка Шепарда... Потом дали выбирать, куда я хотел бы поехать поработать.

Т.Б.: А из чего выбирали?

Ю.П.: Я выбирал из разных стран, но выбрал Африку. Восточную, причем.

Т.Б.: Почему?

Ю.П.: Мне захотелось в Восточную Африку поехать, в Танзанию. Я поехал в Танзанию.

Т.Б.: Там же, наверное, надо было на языке лекции читать?

Ю.П.: Естественно, я владел языком.

Т.Б.: А где вы занимались языком? Здесь, при университете?

Ю.П.: И в университете, и потом в Англии тоже занимался.

Т.Б.: Да? Специально посылали изучать язык в Англию?

Ю.П.: Посылали, да. Совершенствоваться в языке.

Т.Б.: И сколько времени вы там были?

Ю.П.: Несколько месяцев. Не помню точно. Три месяца, два месяца.

Т.Б.: То есть, уже вживую. А сколько вы пробыли в Танзании?

Ю.П.: По-моему, больше года, года два. Жена приезжала ко мне, жила там со мной.

Т.Б.: А дети где же в это время были?

Ю.П.: Дети здесь. Нет, один-то был с нами там, а на какое-то время и второй приезжал.

Т.Б.: Это была первая ваша поездка зарубежная?

Ю.П.: Нет.

Т.Б.: А до этого куда вы ездили? До этого и после этого, какие еще поездки были?

Ю.П.: Во-первых, я воевал за границей.

Т.Б.: Да, верно. Это первая была.

Ю.П.: В Англии бывал, в Норвегии бывал.

Т.Б.: В Норвегии вы тоже лекции читали?

Ю.П.: Да, да.

Т.Б.: Там было какое-то краткосрочное или тоже год или два?

Ю.П.: Нет, не год или два, но довольно долго и в разных местах. Если Норвегию помните, она такая вытянутая страна, я там в трех университетах был. На севере, в Тромсё. Есть такой город Тромсё. Потом Тронхейм и Осло.

Т.Б.: А там сколько времени вы были?

Ю.П.: Не помню, это исчисляется не годами, а месяцами.

Т.Б.: То есть по несколько месяцев. А в Америке?

Ю.П.: В Соединенных Штатах? В Соединенных Штатах я был у Дюрига такого, знаете фамилию? Или незнакомая? Это в нашей области известный ученый. Не помню, чья инициатива была, он меня пригласил или я сам напросился. В общем, к Дюригу меня командировали поработать.

Т.Б.: И вы там исследовательской работой занимались тоже несколько месяцев?

Ю.П.: И лекции читал. В Америке я много проехал университетов, где читал отдельные лекции, доклады делал. То есть кроме Колумбии — основное место, где я у Дюрига работал — ездил в Лос-Анджелес, читал лекции в Сан-Франциско, в Питтсбурге, Нью-Йорке.

Т.Б.: В университетах. Это все в ту же поездку к Дюригу или в другие периоды?

Ю.П.: В основном круг я делал, когда к Дюригу ездил.

Т.Б.: Понятно. А в Европе, кроме Норвегии и Англии, где-то еще удалось лекции читать?

Ю.П.: В Португалии, в Испании, в Германии.

Т.Б.: Понятно.